

В номере:

1 **Неспокойная стабильность**

Дмитрий Аляев

1 **Нестойкий иммунитет**

Нигора Бухари-заде

2 **Хроника двух недель**

4 **Двадцать лет спустя**

Анна Степаненко, Иса Сабиров

5 **Кыргызстан**

Абдан Шукиев

6 **Казахстан**

Ярослав Разумов

7 **Туркменистан**

Гозель Таганбердиева

Нестойкий иммунитет

Нигора Бухари-заде

Смена власти и развитие ситуации в Кыргызстане по-прежнему активно обсуждается общественностью соседнего Таджикистана. Безусловно, эти события восприняты неоднозначно: одних они насторожили, других же подбодрили и обнадежили. К первой категории можно отнести правящие элиты центрально-азиатских государств, которых перекинувшаяся в регион эпидемия «революций» не могла не обеспокоить. О некоторой нервозности, возникшей во властных структурах в Таджикистане после 24 марта, свидетельствует обращение МИД республики от 14 апреля, в котором внешнеполитическое ведомство просит иностранные НПО и дипломатические миссии заранее информировать его о дате и тематике проведения публичных встреч с представителями партий, общественных объединений и СМИ. Как считает зампреда Партии Исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), депутат парламента Мухиддин Кабири, таким способом власти пытаются ограничить влияние международных организаций, которые часто упрекают в поддержке оппозиционных движе-

ний на постсоветском пространстве. «Я думаю, что кыргызские события подтолкнули власти Таджикистана, в том числе и МИД, пойти на такие меры, чтобы взять под контроль деятельность международных организаций в стране», — говорит Кабири.

Своего «неодобрения» происшедших в Кыргызстане событий не стал скрывать и сам президент Таджикистана Эмомали Рахмонов. В ежегодном послании к парламенту глава государства отметил, что кыргызские события «оказали негативное влияние на имидж региона» и «способны нарушить стабильность во всей Центральной Азии». По его словам, «Центральная Азия должна быть геополитическим центром мировых интересов, а не ареной беспорядков». Президент также добавил, что от международных НПО «государство требует соблюдения закона, прозрачности и открытости». Такие «профилактические» заявления таджикских властей вполне понятны: в республике не за горами президентские выборы (ноябрь 2006 года).

Иначе отреагировали на смену власти в соседней стране представители оппозиции. Так, Социал-демократическая пар-

Неспокойная стабильность

Дмитрий Аляев

Многие наблюдатели полагают, что кыргызский вариант смены власти вряд ли возможен в Узбекистане. По их мнению, если в стране и произойдут, какие-то народные выступления, то людей просто некому будет возглавить и все эти волнения выльются в неконтролируемый бунт толпы, что может привести к тяжелым последствиям. Со своей стороны доктор исторических наук, профессор Файзулла Исаков говорит, что в частных разговорах фигурируют некоторые фамилии людей, которые пользуются уважением среди населения, но он не будет их озвучивать из-за опасения за их безопасность.

Вообще же спонтанные народные выступления не новость для Узбекистана. В 1989 году в ферганской и ташкентской областях произошли столкновения между узбеками и турками-месхитинцами. Турки-месхитинцы, как и все небольшие национальные диаспоры были более сплоченные, нежели представители титульной национальности, кроме того, они были более обеспеченны, чем их соседи-узбеки. Это вызывало раздражение, которое, в итоге и переросло в конфликт. Многие тогда считали, что этот конфликт был спровоцирован Москвой. Профессор Исаков согласен, что конфликт был спровоцирован, но не думает, что это было «рукой Москвы». Также был спровоцирован конфликт между кыргызами и узбеками в кыргызском городе Ош в 1990 году. И это еще не все. Беспорядки в декабре 1991 года, когда группа религиозных людей захватила обком партии в Намангане, выступления студентов в Ташкенте в 1992 году. Это далеко не полный перечень всех массовых волнений в стране. При этом, сегодня, в отличие от Кыргызстана, население Узбекистана аполитично. Поэтому на улицы людей может вывести только социальное недовольство, а оно, как раз и нарастает с каждым днем из-за все более ухудшающейся социально-экономической обстановки. И если это произойдет, жертвы будут исчисляться тысячами, но мало вероятности того, что это выступление приведет к смене политического режима. ●

тия Таджикистана (СДПТ) устами своего лидера Рахматилло Зойирова заявила о поддержке демократического оппозиционного движения Кыргызстана «в его стремлении обеспечить народовластие, справедливость и прозрачность выборов». А руководство ПИВТ выразило надежду, что новые власти КР обеспечат уважение прав человека, «доказав, тем самым, что народы Центральной Азии тоже могут жить в свободном и демократическом обществе». Напомним, что обе оппозиционные партии считают сфальсифицированными итоги парламентских выборов в Таджикистане 27 февраля (в КР выборы прошли в этот же день).

Как и в Кыргызстане, оппозиция в Таджикистане осталась недовольной результатами выборов. Однако за громкими заявлениями никаких решительных действий не последовало. Почему? Есть ли вообще шансы, что в Таджикистане может повториться кыргызский сценарий? Возможен ли в нашей республике неконституционный вариант смены власти?

Большинство наблюдателей сегодня склоняется к мысли, что в обозримом будущем

Окончание читайте на стр. 3

ХРОНИКА ДВУХ НЕДЕЛЬ

Министерство иностранных дел **Таджикистана** выступило с нотой протеста, направленной посольству Кыргызстана в республике. В ней отмечается: «Грубые инсинуации отдельных кыргызских политиков в Республике Таджикистан воспринимаются, как проявление политической некорректности в отношении соседнего государства». «Таджикистана внимательно следит за событиями в Кыргызской Республике, он всегда выступал за сохранение стабильности в соседней братской стране и заявлял о своей твердой приверженности к всесторонней реализации перспективных задач таджикско-кыргызского сотрудничества, направленных на дальнейшее сближение наших стран и народов в духе взаимного уважения и доверия», — говорится далее в ноте.

«Вместе с тем МИД обращает внимание на тот факт, что в последнее время в интервью некоторых официальных лиц Кыргызстана появились бестактные по содержанию и оскорбительные по своей сущности для переживших трагедию гражданской войны таджикстанцев высказывания о том, что в Кыргызстане не произойдет так называемой «таджикизации» ситуации, подразумевающей под этим события в РТ 10-летней давности, — говорится далее в документе. — В РТ убеждены, что подобного рода грубые инсинуации и политические спекуляции не только не могут содействовать конструктивному решению внутренних проблем в Кыргызстане, но и воспринимаются, как проявление политической некорректности в отношении соседнего суверенного государства».

Самой обсуждаемой новостью прошлых дней в **Кыргызстане** стало обращение к народу и.о. президента КР Курманбека Бакиева, в котором он изложил основные программные подходы своего правительства. Это «построение новой архитектуры власти; борьба с коррупцией; новая экономическая система; поддержка нового поколения молодых руководителей и политиков». Бакиев также выступает за четкое разграничение политических и административных функций в государственных органах власти. Касаясь внешнеполитических отношений и.о. президента КР подчеркнул, что «Кыргызстан должен «вернуться» домой, в Центральную Азию. Главный приоритет внешней политики — хорошие отношения с соседями. Надо прекратить гонку за историческое лидерство. Мы должны радоваться успехам наших соседей и братьев, а не завидовать им и не гордиться только собой». Программная

речь Бакиева была расценена как неофициальный старт предвыборной кампании временного главы государства, так как сразу после заявления Бакиев отправился с рабочим визитом на юг страны, где его позиции достаточно сильны.

На данный момент за президентское кресло намерены бороться, кроме основных претендентов Бакиева и Кулова, также доктор Женишбек Назаралиев; лидер социал-демократов Алмаз Атамбаев; политик (больше известный в Москве, чем в Бишкеке) Кубанычбек Апас; депутат Байман Эркинбаев; генеральный директор компании мобильной связи «VITEL» Нурбек Турдукулов; экс-министр Темирбек Акматалиев. Последние два кандидата были тесно связаны с администрацией и семьей экс-президента Акаева.

Причем на одного из кандидатов в президенты Эркинбаева было совершено покушение, которое он рассматривает как политическое. Другой претендент на президентский престол доктор Назаралиев обвиняет и.о. президента КР Бакиева в нарушении правил политической игры.

В Кыргызстане продолжается раздел собственности. Список предприятий, возможно имеющих отношение к семье Акаева, увеличился до 73-х и, по словам вице-премьер-министра Данияра Усенова, в двух десятках из них сейчас проходят налоговые проверки.

Большой переполох среди политиков и чиновников Кыргызстана вызвала публикация злополучного списка из так называемого архива экс-президента Акаева, в котором перечислены фамилии известных политических и государственных деятелей кому президентская администрация собиралась оказать ту или иную помощь во время парламентских выборов.

Жители Кашкардарьинской области **Узбекистана** 3 мая попытались провести акцию протеста в Ташкенте напротив здания Посольства США. Около ста человек, большинство из которых женщины и дети выстроились в живую шеренгу и развернули плакаты с требованиями защитить их от нищеты, безработицы, судебных преследований и произвола милиции. Однако, по словам людей, главным их требованием являлось возвращение незаконно отнятых у них акций ОАО «КЕШ», которым руководил их родственник Баходыр Чориев. Место проведения акции было выбрано не случайно, так как люди надеялись привлечь внимание к своим проблемам, непосредственно Гос-

департамент США. Сотрудники правоохранительных органов пытались помешать проведению акции, но это им не удалось. Митингующие собирались превратить свою акцию в бессрочную, поэтому около шестидесяти человек разбили палатки и остались ночевать. Этой же ночью сотрудники правоохранительных органов силой затолкали пикетчиков в автобус и увезли в отделения милиции. По нашим данным сегодня люди уже доставлены в места своего постоянного проживания. Сотрудники посольства США в конфликт не вмешивались.

По сообщению ИА «Фергана.Ру», ташкентская пенсионерка Ирина Алексеева написала открытое письмо Владимиру Путину с просьбой помочь ей эмигрировать из Узбекистана. Напомним, что в середине апреля Алексеева воспротивилась решению властей снести сад около ее дома. Конфликт с властями закончился попыткой самосожжения Алексеевой. Сейчас Ирина Алексеева находится в больнице.

Узбекистан направил властям Молдовы официальное уведомление о выходе Ташкента из организации регионально-го сотрудничества. Сегодня Молдова выполняет роль председателя союза. Ранее в ГУУАМ входили Грузия, Узбекистан, Азербайджан и Молдова. После своего создания в 1997 г., по мнению аналитиков ГУУАМ существовал главным образом на бумаге, поскольку государства-члены союза так и не смогли выработать механизмы реального торгового и политического сотрудничества. Узбекистан присоединился к союзу в 1999 г. Однако скоро Ташкент к своему членству в союзе стал относиться с большой долей скепсиса. Сегодня многие полагают, что Узбекистан вышел из союза из-за смены властных структур в Грузии и в Украине. Но, в действительности, Ташкент приостановил свое членство еще в 2002 году, то есть еще до грузинской революции. Бывший тогда министром иностранных дел страны Абдулазиз Комилов разъяснил позицию правительства тем, что Узбекистан, участвуя в тех или иных союзах, преследует собственную выгоду. Что же касается ГУУАМ, то он не приносит стране никаких экономических или политических дивидендов. О том же говорят и специалисты в самом Узбекистане. Вместе с тем, некоторые из них не исключают, что официальный Ташкент все-таки решился на окончательный выход из ГУУАМ, после того, как «цветные» революции победили уже в двух странах из пяти, входящих в союз. ●

Нестойкий иммунитет

Окончание. Начало читайте на стр. 1

дущем революционная ситуация Таджикистану не грозит, по крайней мере, в числе первых «претендентов» на революцию республика не стоит. Основным сдерживающим активностью масс фактором эксперты называют поствоенный синдром. Митинги протеста, недовольство выборами, требования отставки президента и призывы к свержению действующего режима — всё это было в Таджикистане образца 1992 г.

В начале 90-ых гг. прошлого столетия на политической арене республики впервые открыто проявили себя оппозиционные коммунистическому режиму силы, такие как Народное движение «Растохез» («Возрождение»), «Лаъли Бадахшон», ПИВТ, Демократическая партия. Позже они образовали костяк Объединённой таджикской оппозиции, которую возглавил Саид Абдулло Нури. Лозунгами первых организованных оппозицией митингов в Душанбе в 1991-92 годах были требования отставки президента-коммуниста Рахмона Набиева. Оппозиция, в своём большинстве состояла из выходцев северо-восточной Каратегинской долины и Горного Бадахшана, для которых коммунистический режим отождествлялся с правящей ленинабадской элитой (ныне Согдийская область, что на севере страны). Следует отметить, что в общественно-политической жизни Таджикистана определяющее значение всегда имели регионально-клановые интересы. Почти 70 советских лет у руля власти в республике находились выходцы из Ленинабада (ныне Худжанд — областной центр северного Таджикистана). Это вызывало раздражение представителей политических элит других регионов. Противостояние двух площадей столицы — «Шахидон», где митинговали представители исламско-демократической оппозиции, и «Озоди», на которой собрались сторонники действующей власти, вылилось в вооружённые провокации и, конечном итоге, в кровопролитную шестилетнюю гражданскую войну. Судя по всему, власть была не готова к такому повороту событий — правительство Набиева демонстрировало полную беспомощность и бездействие. В сентябре 1992 года Набиев был свергнут. В противовес захватившей власть оппозиции представители южного (кулябского) и центрального (гиссарского) регионов в поддержку правительства создали, так называемый, Народный фронт. В ноябре 1992 года председателем Верховного Совета был избран Эмомали Рахмонов — молодой (в 1992 г. Рахмонову было 40 лет), неискушенный в политике директор совхоза Дангаринского района Кулябской области (юг страны).

С тех пор Рахмонову удалось не только набраться опыта и укрепить свою власть, но и поэтапно изолировать, как оппонентов, так и многих бывших соратников. А местнически-региональные интересы и по сей день остаются одним из главных факторов в таджикской политике. Сегодня люди всё больше говорят о том, что доступ к основным ресурсам и многие ключевые посты в республике имеют представители кулябского региона.

Тем не менее, как считают эксперты, Таджикистан уже имеет опыт народных волнений, повторения которых не хочется никому. «Никто тогда не ожидал, что эти народные протесты закончатся братоубийственной войной. Все политические силы хотели создать в Таджикистане новое общество и жить на основе собственной государственности. Но теперь очевидно, что у страны имелись серьёзные внутренние и внешние враги, которые, воспользовавшись волнениями, навязали войну. Гражданская война в Таджикистане была навязана извне, но на почве внутренних волнений — никакие внешние силы не могут подготовить революцию за пределами страны, если в самой стране нет для этого социальной почвы. Поэтому я считаю, что в очереди на революцию может стоять любая из стран Центральной Азии, но только не Таджикистан. Здесь всякий человек, который призвёт выйти на площадь, на демонстрацию, будет воспринят и властями, и народом, как зачинщик войны», — говорит руководитель аппарата ПИВТ Хикматулло Сайфуллозода.

Аналогичного мнения придерживается независимый политолог Нурали Давлатов, который считает, что усиление оппозиционных настроений после кыргызских событий возможно и в других центрально-азиатских республиках, за исключением Таджикистана. «Наши люди стали в какой-то степени аполитичными — лимит доверия ко всем политикам исчерпан. Кроме того, срабатывает и инстинкт самосохранения, поскольку гражданская война в Таджикистане была очень жестокой», — говорит Давлатов.

Вместе с тем, по мнению замдиректора Центра стратегических исследований при президенте РТ Сайфулло Сафарова, сегодня никто не может с уверенностью утверждать о невозможности повторения событий, подобных грузинским, украинским или кыргызским: «Есть государства, которые могут из-за определённых политических ошибок довести себя до повторения этих событий. Я не хочу называть конкретные государства-претенденты на повторение революций, но, думаю, что если каждый будет говорить только свою правду и не слышать другую, если не бу-

дут учтены все нюансы предыдущих выборов, недостатки, которые имеет правящая партия и правительство, в такой ситуации повторение Кыргызстана возможно почти во всех государствах Центральной Азии. Конечно, то, что мы пережили, другие страны только переживают. Но сказать, что «один раз переболели и никогда не заболеем снова» — это очень опасная и неправильная позиция». При этом Сафаров отметил, что в случае возникновения народного протеста «бархатной» смены власти в центрально-азиатских государствах, вероятнее всего, не произойдёт: «Наши народы не прошли такую школу демократии, которую прошли на Западе. Каждое слово, которое кто-то скажет, воспринимается подчас, как личное, клановое, региональное или национальное оскорбление. Поэтому в наших странах, скорее всего, больше возможен «не бархатный» вариант революций».

Лидер СДПТ Зойиров считает, что кыргызские события стали отражением внутривластных тенденций во всех центрально-азиатских республиках, где наблюдается усиление авторитарных тенденций и давления на оппозицию. По его мнению, кризис в Кыргызстане стал следствием неэффективной социально-экономической политики правительства, коррумпированности власти, несправедливой кадровой политики, нарушений избирательного закона и пренебрежения к волеизъявлению народа. Всё это можно отнести и к Таджикистану, то есть объективная ситуация для качественной смены политической власти здесь уже назрела, однако субъективные факторы к ней ещё не готовы. Как отмечает Зойиров, слабость таджикской оппозиции в том, что её представляют исключительно политические партии, другие субъекты общества практически не участвуют в политических процессах. Поэтому, по словам лидера СДПТ, оппозиционного движения, как такового, в Таджикистане нет: «Оппозиция в Кыргызстане имеет в своём составе большое количество бывших чиновников, которые работали на самых высших должностях, депутатов. Кроме того, в оппозицию вошло большое количество НПО. То есть главный костяк оппозиционного движения составляли не политические партии. К сожалению, в сегодняшнем Таджикистане другие структуры общества, в частности, бизнес-структуры, СМИ и НПО не входят в систему оппозиционного движения».

Сафаров, в свою очередь, отмечает, что в Таджикистане сейчас нет оппозиции, способной противостоять власти, потому что «авторитет президента превалирует над всеми, в том числе и над политическими партиями». ●

Казахстан: двадцать лет спустя

Анна Степаненко, Иса Сабиров

Разворот исторических событий в попытках переворота государственной власти в Казахстане начинает свой отсчет с 1986 г.

Казахстан стал первой республикой, входившей в состав СССР, где в новейшей истории произошли массовые беспорядки. Правда, тогда, собственно, не было попытки переворота — у митингующих была цель не свергнуть власть коммунистов, а выразить отношение по поводу назначения из Москвы нового первого секретаря.

Напомним, 17 декабря 1986 г. на Новой площади г. Алма-Аты появились группы молодежи с транспарантами: «Мы за Казахстан!», «Ленин и партия вместе!», «Где Кунаев?».

Причиной недовольства митингующих, по всеобщему мнению, явилась не непосредственно кандидатура нового руководителя Коммунистической партии Казахской ССР (КПК) мало известного в Казахстане Геннадия Колбина, рекомендованная Политбюро ЦК КПСС, а уход его предшественника — популярного до сих пор у многих жителей республики Динмухамеда Кунаева. А также быстро распространившиеся тогда слухи о том, что Кунаева «ушли» грубо и бесцеремонно. Многие из протестующих расценили это и как пренебрежение к национальному самосознанию казахов, поэтому те события иногда воспринимаются и как, так называемая, национальная революция, борьба за независимость народа, либо как противодействие русскому шовинизму (сейчас тогдашним демонстрантам придается даже ореол героизма).

Смена лидера республики, даже для СССР, в большинстве своем практикующем централизованную диктатуру, ни в коем случае не должна была напоминать кукольный театр, когда путем потягивания за соответствующие нити можно добиться нужного результата, не обращая внимания при этом на заслуги прежнего «главного» героя и отношения к этому самому герою «зрителей». Восемнадцати минут, которые длился пятый пленум ЦК КПК по избранию Колбина, вполне хватило, чтобы вызвать недовольство тех самых «зрителей» — казахстанской молодежи, если не боготворившей, то очень уважавшей бывшего лидера Казахстана Кунаева. Всех интересовали вопросы, связанные со «скоростигной» отставкой лидера казахстанской компартии, причин и необходимости его переизбрания. Другим не менее важным являлся вопрос о том, почему на этот пост не бы-

ла предложена кандидатура, которая была бы приемлема и партийной верхушке, и не вызывала раздражения масс, другими словами, казаха по национальности.

Разговаривать с каким-либо другим представителем партийной элиты, кроме Кунаева, собравшиеся на площади отказывались. Сам Кунаев выйти к демонстрантам отказался. В итоге недовольство и латентная агрессия вылились в беспорядки. Со стороны «бунтующих», среди которых было много студентов из общежитий, стали использовать палки, камни. Молодые люди бросали их трибуну и окна здания правительства.

Из Москвы поступила директива о проведении спецоперации, которая предусматривала разгон митингующих с помощью армейских подразделений, спецвойск, милиции и КГБ. Люди в бронежилетах саперными лопатками и резиновыми дубинками «успокаивали толпу».

Расследованием декабрьских событий занялась партийно-правительственная комиссия во главе с бывшим председателем Комитета партийного контроля ЦК КПСС Соломенцевым. Именно тогда появились фразы о казахском национализме и экстремизме.

С тех прошло почти 20 лет. Было проведено множество расследований, даны соответствующие оценки. По мнению казахстанского политолога Нурболата Масанова, события, произошедшие в декабре 1986 г., носили спонтанный, а не организованный характер. Только после того как ситуация стала критической, компартия специально организовала жесткое подавление демонстрантов.

Стоит отметить, что до сих пор те события окутаны тайной — кто был начинщиком, были ли вообще вдохновители у декабрьского бунта 86г. Результаты расследования не были преданы огласке, чтобы, скорее всего, не возбуждать к тем событиям лишнего интереса у населения страны.

События, произошедшие в г. Усть-Каменогорске (Восточный Казахстан) в ноябре 1999 г. позволили взглянуть на проблему национализма, как движущей силы государственных переворотов в другом ракурсе. Попытка переворота существующей государственной власти была предпринята гражданином другого государства, представителем не коренной национальности. Гражданин РФ Виктор Казимирчук, объединив идеей патриотической деятельности в Казахстане группу молодых людей, предпринял попытку захвата администрации г. Усть-Каменогорска, организации мятежа среди русского

населения и провозглашения в Восточном Казахстане суверенной республики «Русская Земля». Однако эта экстравагантная выходка, разумеется, была быстро пресечена.

Продолжением идей осужденного впоследствии на 18 лет с конфискацией имущества Казимирчука послужила деятельность лидера Национал-большевистской партии России писателя Эдуарда Лимонова, который был арестован 7 апреля 2001 года сотрудниками Новосибирского УФСБ и представителями КНБ Казахстана. Задержанный обвинялся в организации незаконной вооруженной группировки, целью которой было свержение государственного строя и попытке государственного переворота в Казахстане. До ареста Лимонов неоднократно рассматривал возможность разворачивания широкомасштабной националистической борьбы в бывших республиках СССР. И, в частности, изучал возможность открытия «фронта» в Казахстане.

Сейчас, оценивая те события, можно сделать вывод, что кроме национального фактора (более или менее скрытого противостояния русского и казахского населения) другой не менее важной причиной возможного государственного переворота в Казахстане может стать диссонанс в элитных группах. Сейчас оппозиция, сформированная из недовольной ее части, пытается раскачать ситуацию, но все эти попытки пока недостаточно убедительны. Однако сам факт раскола элиты, начавшийся с ухода в оппозицию экс-премьера Акежана Кажегельдина, а позже экс-министра энергетики Мухтара Аблязова и экс-акима Павлодарской области Галымжана Жакиянова, свидетельствует о наличии пространства для конфликтов. Впрочем, многие считают, что собственно радикальный этап в политических процессах был спровоцирован в 2001 году противодействием крупных бизнесменов и старшего зятя президента Рахата Алиева. Именно тогда было создано политическое движение Демократический выбор Казахстана, объединившее элиту против «методов» тогдашнего заместителя председателя Комитета национальной безопасности Алиева. По некоторым данным, основным импульсом послужили попытки экспроприации крупнейших банков страны — Казкомерцбанка и ТуранАлемБанка, впрочем, эта информация до сих пор не подтверждена.

Между тем даже элитные распри вряд ли сейчас способны настолько дестабилизировать ситуацию в Казахстане, чтобы они вылились в переворот.

Окончание читайте на стр. 5

Вакантное место оппозиции займет семья Акаевых

Абдан Шукриев

В Кыргызстане формируется новая оппозиция. Группа известных политиков, возвращенных при правлении Аскара Акаева, покинула ее ряды, чтобы слиться с властью. 24 марта оппозиция нанесла сокрушительный удар — по вертикали власти и... самой себе.

«Оппозиции вряд ли удастся стать единой силой, — пророчески утверждал кыргызский политолог Аалыбек Акунов. — Слишком уж большие амбиции у ее лидеров. И потому они могут объединяться между собой лишь на начальном этапе борьбы за власть. Но когда настанет момент выдвижения единого кандидата, их союзы и блоки, как не раз бывало, начнут распадаться».

«Наша главная задача — разъединить власть, — подтверждает слова эксперта Омурбек Текебаев, спикер Жогорку Кенеша. — В данное время есть только одна сила, которая объединяет как оппозиционеров, так и власть имущих. Это Акаев... Акаев ушел. А вместе с ним и цементирующее местную оппозицию начало».

Отечественная оппозиция — чуть старше самой Кыргызской Республики. Некогда она представляла собой единое целое — Демократическое движение Кыргызстана (ДДК), благодаря ее усилиям на смену коммунистам пришел Акаев. К середине 90-х годов прошлого столетия ДДК раздробилось на несколько самостоятельных политических движений. Сейчас же в стране более сорока политических партий, половина из которых выступала в оппозиции к власти.

Перед парламентскими выборами 2005 года оппозиция начала претерпевать стремительную трансформацию. К ней начали примыкать бывшие «люди власти» — министры и руководители

рангом поменьше, вытесненные из правительственных кабинетов. Только в Народном движении Кыргызстана (НДК), объединившем несколько оппозиционных партий, оказалось более 20 крупных госчиновников во главе с нынешним и.о. президента республики Курманбеком Бакиевым, уволенных Акаевым в разное время.

После мартовской революции посты во власти заняли люди, уже бывшие в ней при Акаеве. В их числе — Ишенгуль Болжурова (экс- министр образования), Роза Отунбаева (экс- министр иностранных дел) и сам Курманбек Бакиев (экс- премьер). Однако подобный расклад обескуражил других оппозиционных лидеров. Многим из них не досталось ни куска от пирога власти.

— Думаю, что в новую оппозицию войдут представители семьи Акаевых и те политические силы, которые не окажутся согласны с политикой новой власти, — говорит лидер Коалиции НПО Эдил Байсалов. Тем временем, действия новых властей способны ускорить процесс формирования оппозиции. На сей раз Бакиеву. «Лидеры оппозиции как впрочем, и кыргызская политическая элита в целом оказались не готовы к коренным переменам в жизни страны и общества, — утверждает политолог Сыргак Абдылдаев.

С этой точки зрения независимые эксперты полагают, что у нынешнего руководства есть реальный шанс получить в ближайшей перспективе новую оппозицию в лице вчерашних союзников. Есть предположения, что новая оппозиция может смкнуться со сторонниками экс- главы республики Аскара Акаева».

Последние, тем временем, спешат занять образовавшуюся брешь в оппозиции. В республике, к примеру, уже создано политическое движение «Акый-

кат\Справедливость», которое возглавили два бывших министра-силовика — Темирбек Акматалиев и Кенешбек Душебаев, некогда достаточно близкие к Акаеву. Оно выдвинуло жесткие требования к новому правительству, назвав его действия «беспределом». Однако судьба молодой организации сейчас оказалась в руках властей. Оба бывших министра, ушедшие в оппозицию, проходят фигурантами по ряду уголовных дел, возбужденных Генпрокуратурой, которую возглавил бывший оппозиционер Азимбек Бекназаров. И это может стать поводом для обвинений в давлении новых властей на политических оппонентов.

Причиной для подобных обвинений, впрочем, может стать и информационная война, вновь разворачивающаяся в СМИ. В оппозицию, проходят фигурантами выталкивают Феликса Кулова — лидера партии «Ар-Намыс\Достоинство», авторитетного политика, выдвигающегося на выборы главы государства. Ряд публикаций в газетах, руководители которых тесно связаны с новой властью (одна из них — Замира Сыдыкова — входила вместе с Бакиевым в НДК, второй — Александр Ким — включен в госкомиссию по оценке имущества Акаева и его семьи), настойчиво пытаются скомпрометировать соперника и.о. президента. Со страниц этих изданий Кулова обвиняют в сговоре с Акаевым и махинациях с государственностью.

Сам Кулов, кстати, в случае его избрания президентом обещает принять специальный закон об оппозиции. «Она нужна как воздух для полноценного функционирования гражданского общества», — говорит он. И даже публично простил Аскара Акаева, который любыми способами пытался устранить популярного в народе конкурента от борьбы за президентство. ●

Казахстан: двадцать лет спустя

Окончание. Начало читайте на стр. 4

Так, политолог Андрей Чеботарев высказал «Оазису» мнение, что Астана не так политизирована, как Тбилиси, Бишкек или Киев и нынешняя оппозиция не способна предпринять шаги, которые могут повлечь за собой значительные изменения в существующей власти.

Анализируя политическую обстановку в Казахстане, в рамках цветочно-фруктовых революций, свершившихся в недалеком прошлом в бывших республиках СССР: Грузии, Украине и Киргизии, можно сделать вывод, что в ближайшем будущем Казахстан не может рассматриваться в качестве очередной арены для быстротечной революции.

И прежде всего, потому что США, внесшим, как принято считать, определенную лепту в преобразование власти в вышеперечисленных странах, наверняка, нет необходимости пред-

принимать усилия для изменения политической жизни в Казахстане.

Как известно, есть четыре основных фактора дестабилизации: религиозно-этнический; дисбаланс элиты; социально-экономический (разрыв между классами, низкий уровень жизни большей части населения); внешнее вмешательство. И только сочетание как минимум двух из этих факторов способно вызвать общественные катаклизмы.

По мнению источников «Оазиса» в спецслужбах РК, в Казахстане в настоящее время ни один из этих факторов не является сформировавшимся. Экономический рост, в целом осторожная языковая и национальная политика Назарбаева и лояльность международного сообщества пока не дают развиваться конфликтам между элитными группами. ●

Слишком сытно для революций

Ярослав Разумов

Возможно ли развитие политической ситуации в Казахстане по тому варианту, как это случилось в Кыргызстане? Этот вопрос стал в республике основным при анализе политических процессов, происходящих здесь в последнее время, после известных событий в Бишкеке.

То, что им задаются эксперты из других стран, не относящихся к Центральной Азии, понятно: это, во многом, результат недостаточной информированности о положении дел в странах региона, сохранившегося еще с советских времен восприятия их как чего-то очень близкого, почти идентичного. Между тем, за постсоветские годы эта «близость» в значительной мере уже улетучилась, страны Центральной Азии заметно различаются в путях своего развития. И больше чем кто-либо другой — Казахстан.

На наш взгляд можно с очень большой долей уверенности сказать, что повторение «второго Бишкека» в нынешнем Казахстане не возможно, почти исключено. Собственно говоря, у тех, кто придерживается противоположной точки зрения, «аргумент» только один: ведь в Кыргызстане тоже никто не ожидал революции, по крайней мере такой быстрой и успешной, однако же случилось, значит, нельзя исключать воспроизводство такой ситуации и в Казахстане. Логика в этом построении очень поверхностная, оторванная от политических реалий.

— Получится ли в Казахстане так, как в Киргизии? Скорее всего, нет, но надо учитывать, что после этого многовариантность и степень их предсказуемости только усложнились, заявил в комментарии оппозиционный политический деятель Петр Своик.

Замечание ценное тем более, что его автор пользуется репутацией одного из наиболее ответственных и разумных представителей местной оппозиции. Для воспроизводства «кыргызского опыта» должно быть некое событие, которое станет «спусковым крючком» для накопившегося недовольства. Таковым практически всегда являются выборы. «До выборов вряд ли что-то произойдет», заметил г-н Своик. В Казахстане дата президентских выборов еще окончательно не определена, но, скорее всего, это будет конец нынешнего или следующего, 2006, года. То есть,

ранее этих дат повторение кыргызских событий практически исключено — нет «базы», основы, на которой их опыт можно было бы «раскрутить». А к тому времени, когда придет «электоральная пора», политическое звучание кыргызской революции уже может заметно ослабеть за давностью времени. Но дело не только в этом, существуют более значимые причины того, что кыргызская революция не повторится в Казахстане.

— Скорее всего, этого не произойдет, — заметил, комментируя вопрос, казахстанский политолог Нурбулат Масанов. — Здесь иная экономическая ситуация, другая территория — ведь весь Кыргызстан в половину меньше одной только Алматинской области, это порождает известное политологам явление, называемое «деспотией пространства».

Действительно, по территории и, что важнее, по плотности населения Казахстан отличается от соседней республики, в этом плане Казахстан вообще уникален. И в значительной мере именно это все постсоветские годы служило способом гасить недовольство. Так, попытки оппозиции, имевшие место в середине 1990-х годов, организовать марш на Алматы, тогда еще столицу, из социально-депрессивных регионов, ни чем не закончились: слишком далеко. Это же обстоятельство традиционно осложняет координацию действий оппозиции, и вообще делает невозможным в казахстанских условиях нечто, подобное «эффекту домино»: даже если где-то, что-то и случится, пока информация об этом дойдет до ближайшего населенного региона власти, контролирующее информационное пространство, сумеют подготовиться. Да и пыл немногочисленной казахстанской оппозиции ослабнет.

Другой фактор стабильности, упомянутый г-ном Назарбаевым — иная, чем в Кыргызстане, экономическая и политическая ситуация. Интересно, что и опрошенные алматинские обыватели на вопрос о возможности повторения киргизской революции здесь отвечали примерно так: у нас что, так много плохо живущих? Действительно, социально-экономическая ситуация в Казахстане, особенно в определяющих политическое положение в стране регионах — Алматы, Астане, крупных промышленных центрах — принципиально иная, чем в Киргизии. Правда,

это не стоит абсолютизировать, как то делают некоторые провластные СМИ и эксперты: дело не в каком-то уникальном опыте экономических реформ, а в таком простом факторе, как высокие доходы от экспорта сырья и во время, десять лет назад, проведенных социальных реформах. Но факт остается фактом: начиная с 1999 года, с момента начала периода роста цен на нефть, экономические и социальные показатели в Казахстане стабильно улучшаются. И даже при далеко не совершенной системе перераспределения этих доходов на национальном уровне, при растущем социальном расслоении, в крупных городах очень значительную прослойку составляют люди, способные сегодня вполне сносно обеспечивать себя. То есть, социальный слой, который бы безоговорочно, с ходу, поддержал бы «кыргызскую революцию на казахстанский лад», сегодня достаточно не велик, да к тому же еще и рассеян по огромной территории.

Наконец, еще один, важный фактор: разобщенность казахстанской оппозиции. Вся ее постсоветская история это не только история борьбы с властью, но и самой с собой. Трудно вспомнить сразу все попытки объединения оппозиции, ни чем не окончившиеся. И хотя в последнее время, как то утверждают сами представители оппозиционного лагеря, в консолидации достигнут прогресс, это еще нужно подтвердить. Центральная же власть в Казахстане довольно уверенно контролирует регионы, как на уровне региональных властей, так и всех государственных структур нижестоящего уровня. Попытки политической «самостоятельности» и фронды со стороны некоторых акимов (губернаторов) были жестко пресечены несколько лет назад, и это стало усвоенным уроком для остальных.

Резюмируя сказанное выше снова надо повторить: прецедент киргизской революции невозможно воспроизвести в Казахстане. Во всяком случае не сейчас: для этого нет ни одного из необходимых условий. В то же время этот соседний опыт, конечно, станет катализатором идущих подспудно в казахстанском обществе политических процессов, в том числе, вероятно, сделает оппозицию более смелой и напористой. Это, в свою очередь, возможно, подтолкнет власти к более жестким шагам в ее адрес, что, вместе взятое, способно усилить зреющее напряжение. ●

Революция в Туркменистане: мифы и реалии

Гозель Таганбердиева

После череды «цветных» революций в странах СНГ и ряда жестких высказываний в адрес «последних диктатур в Евразии» со стороны американского правительства и международных организаций, многие поспешили записать в претенденты на следующую революцию не только Белоруссию, но и Туркменистан. В данном обзоре автор постаралась проанализировать факторы «цветных» революций, которые тем или иным образом сыграли свою роль в падении предшествующих режимов в странах с состоявшимися революциями применительно к сегодняшней ситуации в Туркменистане.

Немного истории или, первая «цветная»

Собственно «цветная» по смыслу революция в Туркменистане имела место в 1995 году и была жестоко подавлена, когда около 200 человек в основном молодежь, вышли на одну из площадей Ашхабада. Основным лозунгом демонстрантов была смена режима, уход президента Ниязова. Вся группа была оцеплена, избита, арестована. Двое из арестованных впоследствии скончались от побоев, главные организаторы получили различные сроки тюремного заключения. Все участники были объявлены наркоманами и хулиганами. Тогда же получала начало практика публичных покаяний фигурантов дела, которые записывались на пленку и многократно транслировались по телевидению. Судьба нескольких участников тех событий до сих пор неизвестна.

Номенклатура и «оппозиция»

Президент Туркменистана в силу пертурбованных личных амбиций всегда оставался крайне нетерпим к чужому мнению и авторитету оппонентов. В силу этого уже в начале 90-х годов были удалены и подвергнуты остракизму практически все государственные чиновники, которые могли себе позволить хоть малейшее фрондерство. Так в начале 90-х вынужден был оставить свой пост министр иностранных дел Туркменистана Авды Кулиев, который положил начало спорадическому процессу формирования номенклатурной оппозиции. Суть этого процесса состояла в том, что бывшие чиновники, по каким-то причинам утратившие расположение Ниязова, покидали страну в целях безопасности (а некоторые, назначенные послами, попросту не возвращались по первому зову Туркменбаши) и уже за рубежом позиционировали себя в качестве диссидентов или оппозиционеров. Некоторым удалось собрать под свои знамена доста-

точное количество сторонников и возглавить оппозиционные движения.

Самым известным оппозиционером одной из следующих волн номенклатурной эмиграции стал еще один бывший министр иностранных дел Туркменистана, вице-премьер, курировавший силовые структуры Борис Шихмурадов. Ему удалось организовать осмысленное оппозиционное движение бывших государственных чиновников, как за пределами Туркменистана, так и внутри страны. Деятельность этого движения вылилась в попытку государственного переворота в ноябре 2002 года, которую сама эта группа называла «мирной попыткой отстранения Ниязова от власти», а сами власти Туркменистана называли не иначе как «попытку покушения на жизнь президента Туркменистана». В этой истории до сих пор остается много темных сторон и недоговоренностей. В результате это инцидента практически все участники переворота, находившиеся на территории Туркменистана были арестованы и осуждены на длительные сроки заключения, а все руководители на пожизненные. Позже по телевидению были показаны «покаяния» всех участников событий со стороны оппозиции, а спустя еще некоторое время вышла книга Бориса Шихмурадова «Я и мои сообщники — террористы», написанная им в заключении. Безусловно, никто, ни в Туркменистане, ни за рубежом, не воспринял это «свидетельство» и «саморазоблачение» за правду, но и путанные и противоречивые заявления сторонников Шихмурадова не внесли никакой ясности в суть пришедшего.

Молодежь и студенчество

Полная изоляция нового поколения от всего интеллектуального багажа общества предыдущего времени, уже принесла свои плоды. Переход на латинский алфавит и тотальная дерусификация образования и информационного поля, в купе с тотальным же насаждением государственной идеологии, позволили властям сформировать абсолютно новое поколение молодежи, представляющее свое прошлое только в изложении и трактовках государственных идеологов, почти полностью подчинив сознание молодежи. Отсутствие альтернативной информации и ее недоступность уже привели к полному зомбированию основной части молодого поколения. А те немногие из молодых людей, кто получил образование в городских школах, постепенно пополняют резерв лояльной государственной номенклатуры или уезжает за рубеж.

Ужасающая безработица и низкий уровень жизни особенно в сельской местности не конвертируется в протестный потенциал и ввиду низкого уровня образо-

вания и кругозора, наркомании, финансовой, психологической зависимости от воли государства.

Интеллигенция

После распада Советского Союза, власти Туркменистана проводили планомерное уничтожение всей среды обитания, свойственной и привычной для национальной интеллигенции. Была закрыта Академия наук, и большинство ведомственных институтов, ликвидированы почти все творческие союзы, произошли масштабные сокращения врачей и учителей. Все известные ученые, писатели, журналисты, артисты, архитекторы, врачи, преподаватели ВУЗов вынуждены были покинуть страну. Часть из них в 90-х годах примкнула к различным оппозиционным группам за пределами Туркменистана, но ныне их авторитет и влияние практически сошло на нет. Оставшиеся же были обречены на жалкое существование под неусыпным контролем идеологов в аппарате президента и соответствующего отдела в Министерстве государственной безопасности, или влиться в ряды витийствующих националистов, поставляющих новые идеи в строительство государственной идеологии, основанной на национализме, национальной исключительности и культе личности президента Ниязова и его семьи. Редкие случаи «непослушания» кого-то из старой интеллигенции находят незамедлительный ответ со стороны властей — от запретов покидать страну, до арестов, лишения жилья, увольнения родственников с работы.

Вместо традиционной интеллигенции, власти стали взращивать послушную и до неприличия лояльную «творческую» субкультуру, которая занимается идеологическим обслуживанием правящего режима.

Военные и «силвики»

Во время своего правления Ниязов несколько раз сталкивался с ситуацией, когда поведение возвышенных им же самим «силовых» министров начинало угрожать его личной власти. Просочившиеся слухи о возможном заговоре во главе с председателем Комитета госбезопасности Назарове, заставили Ниязова срочно покинуть саммит глав СНГ в Алма-Ате и вмешаться в ситуацию. В результате руководство КНБ было смещено и арестовано. Более того, впоследствии Ниязов посадил в тюрьмы ВСЕХ бывших министров обороны, председателей КНБ, большинство бывших министров внутренних дел. Многие высокие чины были уволены, многие из них осуждены по различным делам, в том числе и по делу «о покушении» и по делам

Окончание читайте на стр. 8

Революция в Туркменистане: мифы и реалии

Окончание. Начало читайте на стр. 7

«о халатности» при расследовании этого покушения. После этого не проходит и года без смены руководителей «силовых» ведомств, а последний из министров национальной безопасности был смещен со своего поста «за мягкость», а новому министру Ниязов приказал искать «врагов внутри государства», ибо, по его словам, внешней угрозы у Туркменистана нет.

Учитывая кадровую чехарду в силовых структурах, полную недееспособность вооруженных сил, отсутствие авторитета того или иного чина силовых структур во вверенном ему министерстве, говорить об угрозе власти Ниязова с этой стороны не имеет смысла. Единственной боеспособной структурой, обладающей силами специального назначения, своей разведкой и контрразведкой, является служба личной охраны президента, которая не раз доказывала абсолютную преданность своему патрону.

Трайбализм

Одним из слабых мест «туркменской государственности», как это отметил сам Ниязов, является трайбализм, клановость, землячество. В советские времена и в первые годы независимости этот фактор власти никогда не упускали из виду, ибо именно он являлся основой для расцвета коррупции. Учитывая это, Ниязов подошел к решению этих проблем как колонизатор своих же провинций. Он стал направлять на ключевые посты и в силовые структуры региона выходцев из других областей и принадлежащих к иным кланам или племенам, чем доминирующие в этой области. Это обеспечило ему гарантии того, что местные элиты не приобретут лишней политической и экономической самостоятельности, а довольно частая смена этих чиновников, но по тому же принципу, вообще свела угрозу усиления региональных элит к минимуму.

Аналогичным путем пошел Ниязов и по устранению проявлений трайбализма в органах центральной власти. Было издано несколько законов, регламентирующих деятельность государственных чиновников, в том числе и отдельный закон, запрещающий совместную работу родственников и земляков или лиц, принадлежащих к одному племени, в одной и той же государственной структуре. Учитывая то, что каждый чиновник при своем назначении на государственный пост обязан предоставить свою родословную до третьего колена, такие родственные связи достаточно легко выявляются.

Однако данная проблема не исчерпывается клановым присутствием в государ-

ственных структурах. Еще с советских времен и до настоящего времени существуют достаточно влиятельные и богатые семьи почти в каждом племени, во всех регионах Туркменистана. Ниязов старается любыми способами ослабить тот или иной клан: проводятся репрессивные акции, реквизиции собственности под надуманными и существующими предлогами, но на масштабные чистки он пока не идет из-за боязни спровоцировать массовые столкновения, предпочитая «разбирать конструкцию по частям». Учитывая изолированность основных мест компактного проживания этих кланов и протяженность транспортных коммуникаций, можно говорить о вероятности каких-либо локальных конфликтов населения с властями, но не о распространении массовых волнений на всю территорию Туркменистана.

Исламский фактор

Суннитская ветвь ислама, исповедуемая в Туркменистане абсолютным большинством населения и адаптированная местными народными традициями, никогда не представляла серьезной опасности для государственного строя и не принимала ортодоксальных и агрессивных форм. Более того, именно благодаря поддержке государства, ислам снова восстановил свои позиции в обществе, что обеспечило лояльность религиозных авторитетов к власти в период становления независимости в начале 90-х годов. Однако чрезмерное вмешательство государства в религиозные дела, силовое (волевое) назначение главы мусульман страны, использование религии в качестве насаждения государственной идеологии и культ личности Ниязова, породили определенное недовольство в рядах верующих. Были отмечены случаи отказа несколькими муллами проповедовать идеи из книги президента Ниязова «Рухнама» наравне с Кораном. В различных регионах Туркменистана стали появляться листовки с воззваниями ненасильственного противления подобным нововведениям. Этот факт говорит о том, что в Туркменистане существуют уже религиозные группы, которые прошли первую стадию становления и приступили к активной подпольной работе и массовой агитации среди населения. Однако в силу достаточно слабой религиозности туркменского общества в общепринятом понимании, эти действия пока не находят широкой поддержки среди населения.

Средства массовой информации

Во всех, без исключения, «цветных» революциях последнего времени, одну из

главных ролей играли свободные или оппозиционные средства массовой информации, через которые стороны, оппонирующие властям, могли донести свои идеи, воззвания, могли вести пропаганду, апеллировать к общественному мнению, в том числе и международному.

И в этой области власти Туркменистана полностью исключили все вероятные угрозы. В стране не существует независимых СМИ, все они принадлежат государству, точнее — лично президенту, который является учредителем всех центральных газет, а его профиль украшает все телевизионные каналы. Единственный иностранный канал ОРТ ретранслируется в Туркменистане в записи после цензуры и не более 4-5 часов в сутки. В стране полностью запрещена подписка на иностранные газеты и журналы, разрешен ввоз и распространение частным порядком неполитической периодики, в основном развлекательного характера. Уже более двух лет вещание туркменской службы радио «Свобода» глушится во всех крупных городах Туркменистана. Доступ в Интернет строго ограничен и контролируется, большое число Интернет-сайтов, публикующих материалы о Туркменистане, заблокированы.

Резюме

Основные «революционные» движущие силы общества, «революционный» потенциал в Туркменистане в государственных масштабах в настоящий момент отсутствует практически полностью. Существует вероятность возникновения локальных конфликтов в различных регионах Туркменистана, где местные элиты недовольны ущемлениями со стороны центральных властей, но лидеры этих элит сознают, что они пока не имеют ресурсов такого объема, который позволит им противостоять, в том числе и политической (не подпольной) и в вооруженной борьбе против центральных властей.

В более длительной перспективе (5-10 лет) для властей Туркменистана может оказаться существенной угрозой от пока не вышедшей на широкую публичную арену силы «нетрадиционного ислама». Учитывая постоянное пополнение потенциальной рекрутной базы за счет безработной и малограмотной молодежи, эта угроза со временем может стать основной.

С другой стороны, учитывая быструю «обучаемость» режима президента Ниязова и отсутствие психологических барьеров перед проведением масштабных репрессий, можно ожидать, что ближайшем времени и эти потенциальные угрозы режиму будут устранены.